

- [Гилберт Кит Честертон](#)
 -
 - [Примечания](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон

Необъяснимое поведение профессора Чэдда

Кроме меня у Бэзила Гранта не так уж много друзей, но вовсе не из-за того, что он малообщителен, напротив, он сама общительность и может завязать беседу с первым встречным, да и не просто завязать, но проявить при этом самый неподдельный интерес и озабоченность делами нового знакомого. Он движется по жизни, вернее, созерцает жизнь, словно с империала омнибуса или с перрона железнодорожной станции. Конечно, большинство всех этих первых встречных, как тени, расплываются во тьме, но кое-кто из них порою успевает ухватиться за него — если так можно выразиться, и подружиться навсегда. И все-таки, подобранные наудачу, они напоминают то ли паданцы, сорвавшиеся с ветки в непогоду, то ли разрозненные образцы какого-то товара, то ли мешки, свалившиеся ненароком с мчащегося поезда, или, пожалуй, фанты, которые срезают ножницами с нитки, завязав глаза. Один из них, по виду вылитый жокей, был, кажется, хирургом-ветеринаром, другой, белобородый, кроткий человек неясных убеждений, был священником, юный уланский капитан напоминал всех остальных уланских капитанов, а малорослый фулемский дантист, могу сказать это с уверенностью, был в точности таким, как прочие его собратья, проживающие в Фулеме. Из их числа был и майор Браун, невысокий, очень сдержанный, щеголеватый человек, с которым Бэзил свел знакомство в гардеробе отеля, где они не сошлись во мнении о том, кому из них принадлежала шляпа, и это расхождение во взглядах едва не довело майора до истерики — мужской истерики, замешанной на эгоизме старого холостяка и педантизме старой девы. Домой они уехали в одном кебе, и с этого дня дважды в неделю обедали вместе. Я и сам так подружился с Бэзилем. Еще в ту пору, когда он был судьей, мы как-то оказались рядом на галерее клуба либералов и, перебросившись двумя-тремя словами о погоде, не менее получаса проговорили о политике и Боге — известно, что о самом главном мужчины говорят обычно с посторонними. Ведь в постороннем лучше виден образ Божий, не замутненный сходством с вашим дядюшкой или сомнением в уместности опущенных усов.

Профессор Чэдд был самым ярким человеком в этом разношерстном

обществе. Среди этнографов — а это целый мир, необычайно интересный, но крайне удаленный от места обитания прочих смертных, — он слыл одним из двух крупнейших, а может стать, и крупнейшим специалистом по языкам диких племен. Своим соседям в Блумсбери он был известен как лысый бородатый человек в очках и с выражением терпенья на лице, какое свойственно загадочным сектантам, давно утратившим способность гневаться. С охапкой книг и скромным, но заслуженным зонтом он каждый день курсировал между Британским музеем и несколькими чайными наилучшей репутации. Без книг и зонтика его никто не видел, и, как острили более ветреные завсегдатаи зала персидских рукописей, он их не выпускал из рук, даже укладываясь спать в своем кирпичном домике на Шепердс-Буш, где жил с тремя родными сестрами, особами несокрушимой добродетели и столь же устрашающей наружности: и жил довольно счастливо, как все ученые педанты, хотя нельзя сказать, чтоб очень весело или разнообразно. Веселье посещало его дом в те поздние вечерние часы, когда туда являлся Бэзил Грант и втягивал хозяина в стремительный водоворот беседы.

Порой на Бэзила, которому немного оставалось до шестидесяти, накатывала буйная мальчишечья веселость, и. Бог весть почему, это всегда случалось с ним в гостях у скучноватого и погруженного в свою науку Чэдда. В тот вечер, когда с профессором случилось это странное несчастье, Бэзил, помнится, превзошел самого себя — я часто бывал третьим за их трапезами, Как люди его склада и общественного круга — а это круг ученых, принадлежащих к семьям среднего сословия, — профессор Чэдд был радикалом в серьезном, старом духе. Грант тоже был из радикалов, но из другой, довольно частой категории настроенных критически и постоянно нападающих на собственную партию людей. У Чэдда вышла новая журнальная статья — «Интересы зулусов и новая граница в Маконго», где, описав с большой научной точностью обычаи племени т'чака, он резко выступал против вторжения в жизнь зулусов англичан и немцев, разрушавших местные обычаи. Перед профессором лежал журнал, в стеклах его очков играл свет лампы, и, глядя на Бэзила Гранта, который мерил комнату упругими шагами и говорил таким высоким, возбужденным голосом, что все вокруг ходило ходуном. он хмурился, но удивленно, а не гневно.

— Я не возражаю против ваших выводов, почтенный Чэдд, я возражаю против вас, — говорил Грант. — Вы, безусловно, вправе защищать зулусов, но с той лишь оговоркой, что вы им не сочувствуете. Вам, несомненно, лучше всех известно, в сыром или в вареном виде они употребляют

помидоры и заклинают ли богов, желая высморкаться, но понимаю я их лучше вашего, хотя мне ничего не стоит перепутать ассагай и аллигатора. Вы больше знаете, зато я больше чувствую в себе зулуса. Не пойму, как это выходит, но всех веселых, добрых варваров, какие только есть на белом свете, всегда и всюду защищают люди, на них нимало не похожие. К чему бы это? Вы проникательны, хотите им добра и много знаете, но вы нимало не дикарь. Не льстите себе, Чэдд. Взгляните на себя в зеркало или спросите у своих сестер. Спросите, наконец, хранителя Британского музея. А еще лучше полюбуйтесь на свой зонт, — и он взял в руки это унылое, но все еще почтенное орудие. — Всмотритесь-ка в него получше. Если не ошибаюсь, вы с ним не расставались добрых десять лет, да что там десять! Должно быть, вы и восьмимесячным младенцем держали его в колыбели, но вам ни разу не хотелось с громоподобным кличем метнуть его подальше, как копье. Вот так... — И он метнул его над лысой головой профессора. Со свистом рассекая воздух, чуть не задев качнувшуюся вазу, зонт врезался в уложенные стопкой и рухнувшие на пол книги.

Профессор Чэдд не шелохнулся, так и сидел с нахмуренным челом, подставив лицо лампе.

— Ваша мыслительная деятельность, — заговорил он наконец, — порою протекает слишком бурно. Да и словам, в которые вы облакаете ее, недостает системы. Я не усматриваю здесь противоречия, — он говорил невыносимо медленно, казалось, что проходят годы, пока он выговаривает слово до конца, — когда оцениваю право аборигенов задерживаться на той фазе эволюции, которая представляется им близкой и благоприятной. Иначе говоря, я не усматриваю ни малейшего противоречия между означенным признанием их прав и точкой зрения, что свойственное им развитие, если судить о нем в ряду других космических процессов, стоит на более низкой — относительно, конечно, — ступени эволюции.

У Чэдда шевелились только губы, да стекла его очков переливались, как опаловые луны. Грант, глядя на него, покатывался со смеху.

— Противоречия тут нет, сын алого копья, — ответил он, — но есть огромное несходство темпераментов. Я, например, как бы меня за это ни громили, нимало не уверен, что те же самые зулусы находятся на более низкой стадии развития. По-моему, бояться населенного чертями мрака вовсе не глупость и невежество, а философский взгляд на вещи. Справедливо ли считать неразумным того, кто чувствует таинственность и ужас бытия? Скорее это мы не развиты, дражайший Чэдд, — мы не боимся темноты, в которой обитают черти.

С благоговейной бережностью истого библиофила профессор Чэдд

разрезал костяным ножом журнальную страницу.

— Согласен, это здравая гипотеза, и состоит она, если я правильно вас понял, в том, что европейская цивилизация не выше, а, может статься, даже ниже культурного развития зулусов и других племен. Я вынужден признать, что данное суждение скорей всего является исходным и потому не допускает доказательств и опровержений, равно как, скажем, главный тезис пессимизма или как главный тезис соллипсизма о нематериальности мира. Но не хочу вводить вас в заблуждение. Не думайте, что вами высказано нечто большее, чем просто здоровое суждение, и значит оно только то, что вы не погрешили против логики, не более.

Бэзил запустил в него книгой и закурил сигару.

— Вы ничего не поняли, — сказал он. — Спасибо хоть курить не запрещаете. Как это вы не боретесь с таким ужасным варварским обычаем, уму непостижимо? Признаюсь, сам я закурил тогда же, когда стал зулусом, лет эдак десяти от роду. А утверждаю я лишь то, что вы, конечно, лучше знаете зулусов как ученый, но я их понимаю лучше, ибо я сам дикарь. Рассмотрим, например, вашу теорию происхождения языка. Вы говорите, что его истоки лежат в придуманном отдельной особью секретном языке, но как вы ни обезоруживаете меня фактами, как ни подавляете эрудицией, меня это не убеждает. Не убеждает потому, что я интуитивно чувствую: так в жизни не бывает. Если вы спросите, откуда у меня такая твердая уверенность, я вам скажу, что я зулус; а если спросите — кто есть зулус, я вам отвечу: это существо, забравшееся в семилетнем возрасте на сассекскую яблоню и испугавшееся привидений в зарослях английской живой изгороди.

— Ваша умственная деятельность, — начал сидевший так же неподвижно Чэдд, но тут его прервали. Резким, мужским движением его сестра толкнула дверь — в подобных семьях мужественность отдана на откуп сестрам — и объявила:

— Джеймс, к тебе мистер Бингем из Британского музея.

Смешавшийся философ нетвердым шагом удалился из гостиной; ведь для таких, как он, теория гораздо ближе повседневной жизни, тревожной и таинственной, как призрак.

— Надеюсь, что моя осведомленность вам не будет неприятна, — промолвил Бэзил Грант, — но говорят, мисс Чэдд, будто Британский музей признал заслуги человека, и впрямь достойного его поддержки. Правда ли, что профессора Чэдда собираются сделать главным хранителем отдела восточных рукописей?

Довольная и в то же время горькая улыбка озарила суровое лицо

старой девы.

— Кажется, правда. Если он получит это место, нам, его сестрам, это доставит не только радость и почет, к чему мы, женщины, достаточно чувствительны, поверьте, но и большое облегчение, к чему мы еще более чувствительны. Здоровье Джеймса нас давно тревожит, а ведь пока мы так бедны, ему приходится писать в журналы популярные статьи и заниматься репетиторством. И все это помимо его собственных мучительных открытий и теорий, которые ему дороже всякого живого существа — мужчины, женщины или ребенка. Я часто думала, что, если к нам откуда-нибудь не придет спасение вроде такой вот должности, у нас появятся все основания бояться за его рассудок. Впрочем, сейчас все, кажется, уже уладилось.

— Чудесно, — отозвался Бэзил, хотя лицо у него было озабоченное. — Но все эти бумажные перипетии и долгие переговоры — материя ненадежная, и я советую не слишком полагаться на обещанное, чтобы потом не испытать разочарования. Я знал очень достойных людей, не менее достойных, чем ваш брат, у которых дело было совсем на мази, и все-таки потом срывалось. Но если правда, что...

— Да, если правда, — гневно прервала его собеседница, — то люди, которые не пробовали жить по-человечески, узнают наконец, что это значит.

Ее слова еще висели в воздухе, когда вошел по-прежнему растерянный профессор.

— Ну как, все подтвердилось? — нетерпеливо встретил его Бэзил.

— Нимало, — помедлив, отозвался Чэдд, — вы допустили три ошибки.

— Какие три ошибки? — не понял Грант.

— Вы заявили, что можете постичь сущность зулусов...

— Да Бог с ними, с зулусами, — расхохотался Грант. — Вы получили должность?

— Должность хранителя восточных рукописей? — от удивления Чэдд по-детски широко раскрыл глаза. — Да, разумеется. Но самый сильный аргумент пришел мне в голову, пока я шел сюда, и состоит он в том, что вы не только полагаете возможным понять зулусов, не прибегая к фактам, но факты лишь мешают вам постигнуть истину...

— Все, вы меня разбили наголову, — Бэзил со смехом повалился в кресло, а сестра профессора поспешила к себе, возможно, для того, чтоб скрыть улыбку, а может быть, с иной целью.

От Чэддов мы ушли в тот вечер очень поздно, а путь от Шепердс-Буш

до Ламбета и утомителен, и долог, чем я хотел бы оправдать постыдно поздний завтрак, к которому мы с Грантом — я у него остался ночевать — спустились чуть не в полдень. Впрочем, и к этой запоздалой трапезе мы вышли вялые и сонные. Грант был особенно рассеян, казалось, он не видит ворох писем у своей тарелки и, может статься, так бы ни одно не распечатал, если б поверх всей груды не красовалось нечто в самом деле непреложное и победившее своей безотлагательностью даже современную непунктуальность, — поверх всего лежала телеграмма. Он взял ее с тем же отсутствующим видом, с которым ел яйцо и пил чай. Читая, он не шевельнулся, не издал ни звука, но я почувствовал, что он вибрирует от напряжения, словно гитара с натянутыми струнами. Хоть он не двигался и ничего не говорил, мне было ясно, что он в одно мгновение очнулся и обрел всю остроту ума, словно в лицо ему плеснули холодной водой. И я не удивился, когда он с мрачным видом прошел к креслу, плюхнулся туда, тотчас вскочил на ноги и, резко отшвырнув его с дороги, в два шага одолел разделявшее нас пространство.

— Что вы на это скажете? — Он протянул мне телеграмму, в которой говорилось: «Приезжайте немедленно. Психическое состояние Джеймса неблагоприятно. Чэдд».

— Что этой женщине в голову взбрело? — возмутился я. — По мнению сестер, бедный старый профессор был не в своем уме с минуты своего рождения.

— Вы ошибаетесь, — спокойно возразил мне Грант. — Все рассудительные женщины и впрямь считают всех ученых сумасшедшими, да и вообще все женщины считают всех мужчин безумцами, но в телеграммах это не сообщают, как не сообщают, что Господь всемиловитв или что трава зеленая. Это и само собою разумеется, и говорится лишь между своими. Если мисс Чэдд через чужую женщину-телеграфистку передает, что ее брат рехнулся, значит, для нее это вопрос жизни и смерти, и так она и говорит, чтобы заставить нас быстрее приехать.

— Да уж теперь мы не задержимся, — ответил я, смеясь.

— О, несомненно, — согласился Грант. — Здесь рядом есть стоянка кебов.

За все то время, что мы ехали через Вестминстерский мост, Трафальгарскую площадь, по Пикадилли и по Эксбридж-роуд, Бэзил не проронил ни слова и, только подойдя к калитке, вымолвил:

— Попомните мое слово, друг мой, это одна из самых странных, сложных и запутанных историй, когда-либо происходивших в Лондоне, да и во всем цивилизованном мире.

— При всем моем доверии и почтении к вам признаюсь, что ничего подобного не ощущаю. Что тут такого уж невероятного и сложного, если похожий на сомнамбулу старый, хворый профессор, всегда существовавший на опасной грани между здоровьем и болезнью, сошел с ума от бурной радости? Что тут непостижимого, если чудак, чья голова напоминает репу и чья душа сложнее паучьей паутины, не может приспособиться к смутившей его перемене участи? Словом, что удивительного в том, что Джеймс Чэдд лишился разума от сильного волнения?

— Меня б это не удивило, — мирно кивнул Бэзил, — ничуть не удивило. Не это показалось мне невероятным.

— А что? — И я нетерпеливо топнул.

— Невероятно то, что он не помешался от волнения.

Едва открылась дверь, как угловатая, высокая фигура старшей мисс Чэдд выросла на нашем пути, а две другие сестры загородили узкий коридор и вход в небольшую гостиную, будто стараясь что-то скрыть от наших глаз. Три духа в черном из какой-нибудь туманной пьесы Метерлинка, они, пытаясь скрыть трагедию, происходившую на сцене, вели себя подобно древнегреческому хору.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — резко бросила одна из них, и в этой резкости угадывалась мука, — мне нужно объяснить вам, что случилось.

Лицо ее было угрюмо, говорила она ровным, лишенным выражения голосом, только зачем-то все поглядывала в окно.

— Начну по порядку. Сегодня утром, когда я убирала со стола, — сестрам нездоровилось, и к завтраку они не спускались, — брат вышел, как я думала, за книгой, но тотчас возвратился без нее, остановился и стал сосредоточенно глядеть в пустой камин. «Ты что-то потерял, помочь тебе?» — спросила я. Ответа не последовало, но мне это не внове — он часто глубоко задумывается. Я повторила свой вопрос. Порой он так уходит в свои мысли, что нужно тронуть его за плечо, чтобы привлечь внимание. Поэтому я обошла вокруг стола, чтобы стать к нему поближе. Не знаю, как сказать, что я почувствовала, звучит это, наверное, глупо. Мне показалось, что случилось что-то страшное и мне отказывает разум: Джеймс стоял на одной ноге.

Грант медленно улыбнулся и стал тщательно потирать руки.

— Стоял на одной ноге? — переспросил я.

Последовало бесстрастное «да», но по недрогнувшему голосу мисс Чэдд нельзя было предположить, что ей понятна фантастичность

сказанного.

— Он стоял на левой ноге, а правая с оттянутым носком была слегка приподнята. Я спросила, не больно ли ему. Он лишь тряхнул висящей в воздухе ногой, потом задрал ее перпендикулярно левой, как будто для того, чтоб указать на стену, а сам по-прежнему не отводил глаз от камина. «Что с тобой стряслось, Джеймс?» — в страхе закричала я. В ответ брат трижды вскинул вверх правую ногу, таким же образом взбрыкнул три раза левой и завертелся, как юла. «В своем ли ты уме? Почему ты молчишь?» — настаивала я. Тогда он приостановился, стал против меня и, вскинув брови, поглядел таким знакомым взглядом — глаза за стеклами очков казались, как всегда, огромными, — секунду или две не шевелился, после чего вместо ответа неспешно оторвал от пола левую ногу и стал описывать круги. Я побежала к двери, позвала Кристину. Не буду вам рассказывать, какие страшные часы мы пережили, как мы все три просили его и молили сказать хотя бы слово — наверное, даже мертвый бы растрогался, но он с таким же каменным лицом только подпрыгивал, приплясывал и вскидывал ногами, которые вертелись словно на шарнирах или как будто в них вселились бесы. С тех пор он не издал ни звука.

— Где он сейчас? — Я вскочил, возбужденный рассказом. — Его нельзя оставлять одного.

— Он не один, с ним доктор Колмен, — ответила спокойно мисс Чэдд. — Они сейчас в саду. Доктор считает, что свежий воздух пойдет ему на пользу.

Мы с Бэзиллом бросились к окну, выходящему в сад. Садик был маленький, типично пригородный, очень аккуратный. Стоявшие головка к головке цветы на клумбе сливались в правильный узор, как на ковре, но в этот щедрый летний день даже они казались буйными, словно росли на воле, — под жарким небом тропиков, чуть не добавил я. В центре зеленой, солнечной, до боли правильной в своей округлости лужайки стояли две фигуры. Коротышка с темными бачками, в начищенном до блеска цилиндре — вне всякого сомнения, доктор Колмен — внимательно вглядывался в своего пациента и что-то говорил спокойным, ясным голосом, но тик все время искажал его черты. Наш старый друг слушал его с привычной снисходительностью, и круглые, как у совы, глаза светились за очками, в которых отражалось солнце, совсем как вчера вечером, когда они сияли светом лампы, а громогласный Бэзил вышучивал его приверженность к академической рутине. Профессор выглядел таким же, как вчера, за исключением одной подробности: хотя лицо его хранило прежнюю невозмутимость, ноги безостановочно подергивались, точно у марионетки.

На фоне аккуратных цветников и залитого солнцем сада его фигура выглядела очень четко и совершенно неправдоподобно, соединяя в себе голову отшельника и ноги арлекина. Все чудеса должны были бы совершаться ясным днем — ночью в них легче верится и потому они не так чудесны.

Появившаяся вторая сестра прошла к окну и удрученно поглядела в сад.

— Ты не забыла, Аделаида, что в три часа снова придет мистер Бингем из Британского музея?

— Нет, не забыла. Придется рассказать ему. Я знала, что мы люди невезучие и что хорошее непросто нам дается.

Грант быстро обернулся.

— Что вы хотите рассказать?

— Вы превосходно знаете, что я должна ему сказать. Наверное, можно и не называть эту злосчастную болезнь по имени. Не думаете же вы, что человеку, который так выплясывает, доверят быть хранителем восточных рукописей? — И она быстро показала в сад на Чэдда, чье обращенное к врачу лицо сияло в солнечных лучах, а ноги непрерывно мельтешили в воздухе.

Бэзил поспешно вытащил из жилетного кармана часы.

— Когда, вы говорите, придет чиновник из Британского музея?

— В три, — бросила мисс Чэдд.

— Значит, у меня есть еще целый час, — пробормотал Бэзил и, не вдаваясь в объяснения, перемахнул через подоконник. Но двинулся не напрямик к врачу и пациенту, а осторожно стал к ним приближаться издали, как будто невзначай, прогуливаясь по дорожкам сада. Остановился он за несколько шагов и, вынув мелочь из кармана, вроде решил ее пересчитать, хотя из-под полей своей огромной шляпы — мне это было ясно видно — следил за каждым жестом Чэдда. Вдруг он решительно шагнул к профессору и, взяв его под локоть, сказал своим обычным, громким голосом:

— Ну как, дружище, вы все еще считаете, будто зулусы уступают нам в развитии?

Нахмурившийся доктор явно взволновался и пробовал заговорить, но Чэдд, посверкивая лысиной, повернул к Гранту свое спокойное и дружелюбное лицо и стал вместо ответа помахивать неторопливо левой ногой.

— А доктора вы обратили в свою веру? — все так же бодро обращался к Чэдду Бэзил. Профессор с тем же добрым, вопрошающим лицом лишь

шаркнул левой ногой и постучал ею о правую. Но тут решительно вмешался доктор:

— Пойдемте в дом, профессор. Сад вы мне уже показали. Отличный сад, просто отличный. А сейчас нам нужно в дом, — и, ухватив выделявавшего антраша этнографа за локоть, стал подталкивать его к дому, нашептывая Гранту: — Не нужно волновать его вопросами, это небезопасно. Ему необходимо успокоиться.

Бэзил ответил холодно, не понижая голоса:

— Вашим советам, доктор, нужно следовать неукоснительно, что я и собираюсь делать, но думаю, что их нимало не нарушу, если останусь здесь в саду еще на час с моим злосчастным другом. И говорить я буду очень мало, уверяю вас, а то небольшое, что все-таки скажу, будет успокоительно, как... как сладкая микстура.

Доктор задумчиво протер очки.

— Ему нельзя стоять на солнцепеке, тем более с непокрытой лысиной.

— Ну, это дело поправимое, — невозмутимо отозвался Бэзил и мигмом нахлобучил свой гигантский головной убор на яйцевидный череп Чэдда. Тот даже головы не повернул и продолжал приплясывать, все так же глядя вдаль.

Доктор водворил очки на место, затем, склонив по-птичьи голову к плечу, сурово созерцал обоих несколько секунд и, наконец отрывисто промолвив «Как угодно», важно зашагал к дому, из окон которого выглядывали три сестры профессора. Словно приросши к месту, не отрывая глаз от совершавшегося на лужайке, они так простояли целый час, и зрелище, представшее их взорам, было безумней самого безумия.

Бэзил попробовал задать больному несколько вопросов, но, удостоившись в ответ лишь нескольких очередных прыжков и пируэтов, неторопливо вынул из одного кармана красную записную книжку, а из другого карандаш и стал там быстро что-то помечать. Когда безумец удалился от него прыжками, он устремился следом, догнал и, став неподалеку, снова что-то чиркал в книжке. И так они кружили и петляли вокруг ничтожного кусочка дерна, и догонявший все строчил, напоминая человека, погруженного в решение арифметической задачи, а убегавший прыгал и резвился, как ребенок.

Эта бессмысленная пантомима не прерывалась сорок пять минут, после чего Грант сунул карандаш в карман, обошел помешанного и стал напротив, держа перед собой раскрытую записную книжку. То, что последовало дальше, было невероятней фантастического сна и превзошло все ожидания зрителей, ко многому привыкших в это чудовищное утро. С

бесстрастным добродушием профессор долго вглядывался в выросшего перед ним Бэзила, потом, подняв левую ногу, застыл в той позе, которую его сестра описывала первой в серии его коленец и прыжков. И тотчас Бэзил Грант взмахнул в ответ ногой и замер, обратив подошву в сторону профессора, который быстро выпрямил висевшую в воздухе левую ногу и, опустив на землю, согнул другую так, как будто собирался плавать. Тогда Бэзил скрестил ноги и прыжком раскинул их в стороны. Никто из наблюдавших не успел опомниться, как эта пара уже отплясывала нечто вроде джиги или матросского танца, и солнце освещало двух безумцев вместо одного.

Сраженные своим психозом, они словно оглохли и ослепли и не заметили, что старшая мисс Чэдд в большом волнении идет по саду, с мольбой протягивая руки, и что ее сопровождает посторонний. Профессор Чэдд в эту минуту изогнулся, словно в фигуре падекатра, а Бэзил Грант стоял наизготове, как видно собираясь сделать «колесо», но тут Аделаида Чэдд произнесла с металлом в голосе: «Мистер Бингем из Британского музея», и оба обратились в статуи.

Мистер Бингем, худощавый, тщательно одетый человек в безукоризненных перчатках и с седой бородкой клинышком, лишавшей его облик мужественности, держался церемонно, но приятно. В отличие от Чэдда — ученого педанта, презиравшего условности, он был педантом, поклонявшимся условностям. Но в данном случае корректность и приветливость были весьма уместны. Он прочитал невероятно много книг и побывал во множестве салонов, где были в моде разговоры о науке, но не слышал и не видал, чтоб два седых, почтенных человека, одетых в современные костюмы, вместо послеобеденного отдыха выделывали гимнастические трюки.

Нимало не смутившись, профессор продолжал свои курбеты, но Грант остановился. В сад снова вышел доктор. Из-под своей блестящей черной шляпы он испытующе поглядывал такими же блестящими и черными глазами то на безумца, то на Гранта.

— Вы не побудете немного с профессором, доктор Колмен? — обратился к нему Бэзил. — Мне кажется, он в вас сейчас нуждается. Прошу вас, окажите мне любезность, мистер Бингем, уделите несколько минут наедине. Моя фамилия Грант.

В ответ гонец Британского музея учтиво поклонился, но вид у него был несколько растерянный.

— Вы не осудите меня, мисс Чэдд, если я сам провожу мистера Бингема в дом? — продолжал Бэзил без тени замешательства и через

заднюю дверь быстро ввел опешившего библиотекаря в гостиную. Пододвигая ему стул, он продолжал: — Наверное, мисс Чэдд уже сообщила вам печальное известие.

— Да, я уже знаю, мистер Грант, — сочувственно, но с беспокойством отозвался Бингем, не подымая взгляда от стола. — Я не могу сказать, как я расстроен этим чудовищным несчастьем. И надо ж было ему случиться в тот самый час, когда мы окончательно решили предложить вашему прославленному другу должность. Он, разумеется, достоин большего, но все так повернулось, не знаю, право, как получше выразиться. Профессор Чэдд, возможно, сохранит свои поистине бесценные способности, я очень в это верю, но опасаясь, — в самом деле, опасаясь, — что как-то не пристало хранителю отдела восточных рукописей — э-э — кружиться в танце по библиотеке.

— Хочу к вам обратиться с предложением. — С размаху сев на стул, Бэзил придвинулся к столу.

— Буду рад вас выслушать. — И служащий Британского музея прокашлялся и тоже сел поближе.

В установившейся тиши каминные часы успели отсчитать всего какие-то секунды, потребовавшиеся Бэзилу, чтобы прочистить горло, подобрать слова и вымолвить:

— Так вот что я хотел сказать. Это не компромисс в точном значении слова, но нечто близкое. Я предлагаю, чтоб правительство через посредничество музея платило Чэдду восемьсот фунтов в год, пока он продолжает танцевать.

— Восемьсот фунтов в год? — переспросил мистер Бингем и в первый раз за всю их встречу взглянул на собеседника голубыми, кроткими глазами, светившимися изумлением, таким же голубым и кротким, как и взор. — Боюсь, я недопонял. Я не ошибся, вы считаете, будто профессор Чэдд в его нынешнем состоянии должен получить под свое начало отдел восточных рукописей и восемьсот фунтов в год?

Отрицательно мотнув головой. Грант отрубил:

— никоим образом, хоть Чэдд — мой друг и я готов сказать в его поддержку что угодно. Но я не говорил и не хочу сказать, что можно поручить ему сейчас отдел восточных рукописей. Так далеко я не зашел. Я только предлагаю платить ему восемьсот фунтов в год, пока он танцует. Музей, наверное, располагает средствами для поощрения научных изысканий?

Бингем был совершенно сбит с толку.

— Я что-то не совсем вас понимаю, — сказал он, озадаченно

помаргивая. — Вы бы хотели, чтоб мы назначили пожизненное содержание чуть не в тысячу фунтов в год этому явному маньяку?

— Нет, и еще раз нет, — живо отозвался Бэзил, и в голосе его прозвучала нотка торжества. — Я не сказал «пожизненно», вовсе нет.

— А что же вы тогда сказали? — осведомился кроткий Бингем, кротко не позволяя себе вырвать прядь-другую собственных волос. — Как долго следует платить ему такую сумму? И если не пожизненно, то до какого времени? До Страшного суда?

— Зачем же? — засиял улыбкой Бэзил. — Я обозначил срок — только пока он продолжает танцевать. — Удовлетворенный, он откинулся на спинку стула и сунул руки в карманы.

— Полноте, мистер Грант. Неужто вы и вправду предлагаете, чтобы профессору назначили какое-то неслыханное жалованье на том лишь основании — простите за резкость, — что он сошел с ума? Чтобы ему платили больше, чем четверым толковым служащим, лишь потому, что он за домом прыгает, как школьник?

— Вот именно, — невозмутимо согласился Грант.

— И это фантастическое жалованье нужно для того, чтобы продолжить этот несуразный танец? Или, возможно, чтоб его остановить?

— Всегда в конце концов приходится остановиться, — подтвердил Бэзил.

Бингем поднялся, взял свою безукоризненную трость и столь же идеальные перчатки и холодно промолвил:

— Боюсь, нам больше нечего сказать друг другу, мистер Грант. Возможно, ваши разъяснения — шутка, и если так, она, по-моему, немилосердна. Если вы говорили искренне, примите мои извинения за то, что я вас заподозрил в несерьезности. Как бы то ни было, все это вне пределов моей компетенции. Душевная болезнь, душевное расстройство профессора Чэдда — настолько горестная тема, что мне мучительно ее касаться. Однако же всему есть мера. И помешайся сам архангел Гавриил, признаюсь, это отменило бы его сотрудничество с библиотекой Британского музея.

Он сделал шаг к дверям, но Грант остановил его предупреждающим, эффективным жестом.

— Повремените, повремените, пока еще не поздно, — воззвал он к Бингему. — Желаете ли вы помочь великому открытию, мистер Бингем? Желаете ли вы содействовать всеевропейской славе, торжеству науки? Желаете ли, постарев и поседев, или, возможно, польсев — не важно, ходить с высоко поднятою головой, ибо и ваша лепта есть в великом деле?

Желаєте ли...

— А если желаю, что тогда? — прервал его нетерпеливо Бингем.

— Тогда все просто, — не задумываясь, подхватил Грант. — Назначьте Чэдду восемьсот фунтов в год, пока он продолжает танцевать.

Вместо ответа Бингем гневно хлопнул перчатками и ринулся к дверям, но там столкнулся с направлявшимся в гостиную доктором Колменом.

— Прошу прощения, джентльмены, — взволнованно, с какою-то особой доверительностью начал доктор, — но я хотел сказать вам, мистер Грант, что сделал — э-э — обескураживающее открытие насчет мистера Чэдда.

Бингем угрюмо посмотрел на говорившего.

— Конечно, алкоголь, как я и опасался.

— Какой там алкоголь! — воскликнул доктор. — Если бы!

Как видно, это было бы еще не худшее. Встревожившийся Бингем немного сбивчиво и торопливо продолжал:

— Суицидальные намерения?

— Да нет! — нетерпеливо отмахнулся доктор.

Но Бингем лихорадочно перечислял:

— Наверное, говорит, что он стеклянный? Считает себя Богом?

— Ничуть, — резко оборвал его доктор. — Мое открытие совсем другого рода, мистер Грант. Ужасно то, что он не сумасшедший.

— Не сумасшедший?

— Есть хорошо известные физические признаки безумия. — Доктор был краток. — Ни одного из них у него нет.

— Почему же он танцует? — вскричал отчаявшийся Бингем. — Не отвечает на вопросы — ни нам, ни своим сестрам?

— Не берусь сказать, — холодно ответил доктор. — Я занимаюсь сумасшедшими, а не глупцами, а этот человек не сумасшедший.

— Да что же это значит наконец? Как нам заставить его слушать? — убивался Бингем. — Неужто с ним никак нельзя связаться?

Ясно и резко, словно дверной колокольчик, прозвучали слова Гранта:

— Я буду счастлив передать ему все, что вы захотите.

Его собеседники изумленно воззрились на него.

— А как вы это сделаете?

В ответ Бэзил медленно улыбнулся:

— Ну, если вы и впрямь хотите знать...

— Еще бы! — словно в бреду вырвалось у Бингема.

— Тогда я покажу вам.

И Грант вдруг вскинул ногу вверх, громко притопнул обеими ногами и

снова стал как цапля. Лицо его было сурово, но впечатление ослаблялось тем, что он отчаянно вращал ногою в воздухе.

— Вы довели меня до этого. Вы вынуждаете меня предать моего друга, — промолвил он. — И я предаю его ради его спасения.

На лице Бингема, чутко отражавшем обуревавшие его чувства, явственно проступило огорчение человека, который приготовился услышать неприятное.

— Должно быть, что-нибудь еще ужаснее, — только и выговорил он.

Тут Бэзил грохнул об пол башмаками с такой силой, что доктор с Бингемом застыли в самых странных позах.

— Глупцы! — вскричал Грант. — Смотрели ли вы когда-нибудь на этого человека? Неужто вы не замечали, какое выражение глаз у Джеймса Чэдда, когда он с пачкой бесполезных книг и со своим дурацким зонтиком уныло тащится в вашу злосчастную библиотеку или в свой жалкий дом? Неужто вы не видели, что у него глаза фанатика? Неужто вы ни разу не взглянули на его лицо, торчащее над вытертым воротником и скрытое очками? Неужто вы не поняли, что он бы мог сжигать еретиков и умереть за философский камень? В какой-то мере это я повинен в происшедшем, я, подложивший динамит под камень его веры. Я спорил с ним по поводу его прославленной теории происхождения языка — он утверждает, что придуманный отдельными людьми язык усваивается другими через наблюдение. К тому же я поддразнивал его за то, что он не понимает непосредственных уроков жизни. И что же делает в ответ этот неподражаемый маньяк? Придумывает свой язык — не стану сейчас входить в подробности — и сам себе клянется, что не откроет рта, будет объясняться только знаками, пока другие не поймут его. Так он, разумеется, и сделает. Внимательно понаблюдав за ним, я разгадал его язык, как разгадают и другие, видит Бог. Нельзя ему мешать, он должен довершить эксперимент. Нужно назначить ему восемь сотен фунтов в год, пока он сам не остановится. Остановить его сейчас значило бы растоптать великую научную идею. А это все равно, что объявить новейшие религиозные гонения.

Бингем дружески протянул Бэзилу руку:

— Благодарю вас, мистер Грант. Я постараюсь испросить необходимые нам средства и думаю, что преуспею в этом. Не хотите ли сесть в мой кеб?

— Нет, нет, спасибо, мистер Бингем, — бодро отозвался Грант, — я лучше побеседую в саду с профессором.

Беседа, видно, получилась искренней и душевной. Она была еще в разгаре, когда я уходил от Чэддов, — оба выдывали па.

Примечания

Британский музей — крупнейший музей мира, основан специальным парламентским актом 1753 г.; включает богатейшую библиотеку, рукописный отдел, произведения искусства народов мира с древнейших времен до наших дней.

...обычай племени т'чака. — Имеются в виду зулусы; Чака (ок. 1787 — 1828) — правитель зулусов, возглавил объединение родственных племен на территории провинции Наталь.

Три духа в черном из... пьесы Метерлинка. — Имеются в виду «Три слепые старухи, погруженные в молитву» из пьесы «Слепые» (1890).

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)